

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

ИМЕНЕМ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рига, 20 декабря 2006 года

по делу № 2006-12-01

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Айварс Эндзиньш, судьи Гунарс Кутрис, Романс Апситис, Айя Бранта, Юрис Елагинс и Андрейс Лепсе,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пункта 1 статьи 16, пункта 9 части первой статьи 17 и статьи 28.¹ закона О Конституционном суде,

по заявлению Административного районного суда

на судебном заседании 21 ноября 2006 года в письменном процессе рассмотрел дело

“О соответствии части первой статьи 1, части первой статьи 4, части третьей статьи 6, статьи 22 и статьи 50 закона О Прокуратуре статьям 1, 58, 82, 86 и 90 Конституции Латвийской Республики”.

Констатирующая часть

1. 26 сентября 1990 года Верховный совет Латвийской Республики принял закон “О прокурорском надзоре в Латвийской Республике”. Согласно данному закону была образована прокуратура Латвийской Республики – институция, независимая от прокуратуры СССР.

19 мая 1994 года Сазьма Латвийской Республики (далее – Сазьма) принял закон О Прокуратуре, вступивший в силу с 1 июля 1994 года. В течение того же года в него многократно были внесены изменения.

Часть первая статьи 1 закона О Прокуратуре определяет: „Прокуратура является институцией судебной власти, осуществляющей самостоятельный надзор за соблюдением законности в рамках компетенции, установленной настоящим законом.”

Часть первая статьи 4 определяет: „Прокуратура является единой, централизованной трехступенчатой системой учреждений, которой руководит генеральный прокурор.”

Часть третья статьи 6 определяет: „Действия прокурора обжалуются в случаях и порядке, установленных в настоящем законе и процессуальных законах. Жалобы по вопросам, находящимся только в компетенции прокуратуры, подаются обер-прокурору вышестоящего на одну ступень учреждения прокуратуры, а на действия прокурора Генеральной прокуратуры – генеральному прокурору. Решения, принятые данными должностными лицами, являются окончательными.”

Статья 22 определяет: „Прокуратуру образуют Генеральная прокуратура, прокуратуры окружных судов, районные (республиканских городов) прокуратуры и специализированные прокуратуры. Все

упомянутые в настоящей статье учреждения прокуратуры обладают правами юридического лица.”

Статья 50 определяет: „Прокуратура и поднадзорные ей государственные учреждения финансируются из государственного бюджета, каждое из них имеет отдельную смету расходов.”

2. Заявитель – Административный районный суд – на судебном заседании 21 апреля 2006 года рассмотрел административное дело об отмене приказа № 1/1-26-277 (далее также – обжалуемое постановление) исполняющего обязанности генерального прокурора от 13 октября 2005 года, о восстановлении в должности прокурора Айвара Руткиса и возмещении материального ущерба.

2.1. По административному делу констатировано, что А.Руткис согласно обжалуемому постановлению освобожден с должности прокурора Рижской автотранспортной прокуратуры 14 октября 2005 года в соответствии с пунктом 4 части второй статьи 40 закона О прокуратуре. Данный пункт предусматривает право генерального прокурора освободить прокурора с должности, если аттестационная комиссия констатировала, что его профессиональные навыки являются недостаточными. Во время отсутствия генерального прокурора обжалуемое постановление было принято обер-прокурором Департамента по уголовным делам Генеральной прокуратуры, которому такие полномочия в соответствии с законом О Прокуратуре были предоставлены приказом генерального прокурора от 10 октября 2005 года за Nr. 1/1-26-273.

По административному делу ответчиком определена Генеральная прокуратура, со стороны которой приглашен генеральный прокурор Латвийской Республики.

2.2. На судебном заседании представитель ответчика указал, что представляет в деле прокуратуру, деятельность которой регламентируется законом О Прокуратуре. Оценивая обстоятельства дела, правовые нормы и мнения сторон, Административный районный суд признал, что ответчиком в данном деле следует определить Латвийскую Республику, со стороны которой приглашен генеральный прокурор, поскольку „Генеральная прокуратура и Прокуратура (обе вместе или каждая из них) являются учреждениями государственного управления”.

21 апреля 2006 года Административный районный суд принял решение приостановить судопроизводство по административному делу и направить в Конституционный суд Латвийской Республики (далее – Конституционный суд) заявление о соответствии части первой статьи 1, части первой статьи 4, части третьей статьи 6, статьи 22 и статьи 50 закона О Прокуратуре (далее – оспариваемые нормы) статьям 1, 58, 82, 86 и 90 Конституции Латвийской Республики.

Административный районный суд пришел к выводу, что из-за неясности и непредсказуемости оспариваемых норм не подлежит констатированию, кто обладает правами юридического лица и является ли ответчиком „Прокуратура (или Генеральная прокуратура) в качестве юридического лица публичного права или Латвийская Республика как юридическое лицо публичного права”. Содержащееся в Конституции право каждого знать о своих правах нарушено, поскольку в законе О Прокуратуре не указан порядок оспаривания (обжалования) обжалуемого постановления.

По мнению Административного суда, генеральный прокурор и прокуроры не могут представлять Генеральную прокуратуру и прокуратуру в качестве ответчиков, поскольку Генеральной прокуратуре и прокуратуре в соответствии со вторым предложением статьи 22 закона

О Прокуратуре в качестве юридических лиц надлежит действовать в рамках своего бюджета, тем не менее они самостоятельно не определяют доходную часть своего бюджета.

2.3. В постановлении Административного районного суда сделан вывод, что прокуроры в отдельных сферах публичного права осуществляют функции государственного управления, а не судебной власти. В постановлении указывается, что прокуратура не упоминается в Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция), поэтому она не является „судебно-разрешительным органом в понимании Конституции” и не отвечает также судебным критериям, установленным Конституцией и Европейской конвенцией О правах человека и защите основных свобод.

Заявитель указывает: „[...] и хотя ни в одном нормативном акте не установлено, что (Генеральная-) Прокуратура и/или генеральный прокурор и/или прокуроры являются учреждениями государственного управления, представляющими Латвийскую Республику, тем не менее интерпретация, что (Генеральная-) Прокуратура не является учреждением государственного управления, противоречила бы Конституции, поскольку доверяло бы определенные полномочия в сфере государственного управления не предусмотренным в Конституции образованиям – Генеральной прокуратуре и Прокуратуре, которые не принадлежали бы ни к одной ветви государственной власти.”

2.4. Ссылаясь на многие решения Конституционного суда, в которых анализируются связанные с прокуратурой вопросы, сделан вывод, что в них до сих пор не давалась оценка соответствия Конституции норм закона О Прокуратуре.

И хотя Административный районный суд в своем постановлении перечислил, по его мнению, несоответствующие нормы закона О

Прокуратуре, он не только указывает, что „для определения ответчика применяемые нормы закона О Прокуратуре не соответствуют Конституции”, но и излагает размышления о месте прокуратуры в государственной конституционной системе.

3. Институтция, издавшая оспариваемый акт, – **Сазэйма** – в ответном письме указывает, что оспариваемые нормы не противоречат статьям 1, 58, 82, 86 и 90 Конституции.

3.1. Сазэйма согласен с заявителем в том, что прокуратура не отправляет судопроизводство. При этом Сазэйма считает, что, за исключением отдельных случаев, когда закон предоставляет прокуратуре функции квазисудебной институтции, она главным образом осуществляет специфические функции исполнительной власти, поскольку функции прокуратуры не связаны с судопроизводством и на ней не лежат также законодательные функции. Тем не менее, прокуратуру следует считать функционально самостоятельной институтцией, относящейся к судебной власти и реализующей свои функции в данной ветви власти, будучи подчиненной по отдельным организационным вопросам Кабинету министров. Таким образом, статьи 1, 58, 82, 86 и 90 Конституции соблюдаются.

Под термином „институтция судебной власти” следует понимать такие учреждения и должностных лиц, деятельность которых тесно связана с судебной деятельностью, а также институтции, выполнение функций которых было бы затруднено, если они были бы отнесены к общей ветви исполнительной власти и в организационном отношении были бы подчинены правительственным институтциям.

Сазэйма поясняет, что принадлежность прокуратуры к судебной или исполнительной власти является „вопросом целесообразности и традиций, что не нужно оценивать [...] в рамках конституционной

проверки”. В ответном письме указывается, что это является выражением свободы действий законодателя и вопросом правовой политики – выбрать одну из различных моделей статуса прокуратуры.

3.2. По вопросу об ответчике в конкретном административном деле и бюджете, из которого покрывался бы возможный ущерб, Сазэйма обращает внимание на то, что закон О Прокуратуре принят Сазэймом в то время, когда в Латвии еще не происходила реформа системы государственного управления и на достаточном уровне не были развиты также отвечающие Европейскому континентальному правовому полю правосознание и учение о построении государства. В тот период многие учреждения считались юридическими лицами. В то время включенная в закон запись об учреждении как о юридическом лице означала, что соответствующему учреждению дано право заключать правовые сделки для обеспечения своей деятельности и открытия отдельного счета в банке.

Задачи прокуратуры полностью несовместимы с тем, что прокуратура считалась бы юридическим лицом публичного права. В собственности прокуратуры не имеется своего имущества, поскольку в пользование прокуратуре, также как и любому учреждению, передается имущество, которое принадлежит государству. У прокуратуры также не имеется своего, отделенного от государственного бюджета. Сазэйма указывает, что прокуратура является институцией власти, действующей от имени государства. В ответном письме подчеркнута, что норма, предусматривающая для учреждений прокуратуры права юридического лица, не рассматривается такой нормой, которая предоставляла бы прокуратуре статус юридического лица публичного права. Данная норма была задумана для урегулирования частно-правовых отношений.

3.3. Сазэйма считает, что закон О Прокуратуре только потому, что в нем точно не предусмотрен порядок обжалования какого-либо решения,

не вступает в противоречие со статьей 90 Конституции. Если такого рода порядок предусматривается другим законом, а именно, Административным процессуальным законом, то в законе О Прокуратуре в регулировании такого не имеется необходимости.

4. Прокуратура Латвийской Республики (далее – прокуратура), отвечая на заданные Конституционным судом вопросы, указывает, что в Латвии прокуратура объективно и обоснованно включена в систему институций судебной власти, поскольку ролью прокуратуры не является выполнение функций государственного управления. Прокуратура является учреждением по надзору за законностью, для которой характерно как организационная, так и функциональная самостоятельность, что обеспечивает принадлежность прокуратуры к судебной системе. Ни одна из перечисленных в статье 2 закона О Прокуратуре функций не является характерной для учреждений государственного управления.

Отвечая на вопрос Конституционного суда, прокуратура поясняет, что приказ генерального прокурора об освобождении с должности считается административным актом. Издание такого приказа не связано с реализацией функций, установленных в статье 2 закона О Прокуратуре, а „изданием правового акта учреждения в сфере публичного права для разрешения отдельных случаев, которые распространяются на индивидуально–определенных лиц при прекращении конкретных правовых отношений”. Поэтому порядок, в котором можно обжаловать приказ генерального прокурора об освобождении прокурора с должности, не связан с порядком обжалования действий прокурора, установленных в части третьей статьи 6 закона О Прокуратуре. Такое решение подлежит

обжалованию в порядке, установленном Административным процессуальным законом.

Часть выводов

5. Административный районный суд, рассмотрев дело, посчитал, что несколько статей закона О Прокуратуре не соответствуют статьям 1, 58, 82, 86 и 90 Конституции.

Можно согласиться с мнением, выраженным в ответном письме Саэйма, что по делу не имеется необходимости „оценивать соответствие каждой оспариваемой нормы каждой указанной вышестоящей по юридической силе правовой норме” (см. материалы дела, стр. 20). И в постановлении Административного районного суда отдельно не обосновывается несоответствие каждой оспариваемой нормы конкретной статье Конституции. К тому же, из содержания заявления вытекает, что Административный районный суд просит не столько отдельно оценить соответствие оспоренных норм закона О Прокуратуре вышестоящим по юридической силе правовым нормам, сколько дать ответы на два правовых вопроса:

- 1) о статусе и месте прокуратуры в государственной конституционной системе, а именно, о соответствии части первой статьи 1 закона О Прокуратуре статьям 1, 58, 82 и 86 Конституции;
- 2) о ясных и предсказуемых критериях нормы закона О Прокуратуре, приемлемой для определения ответчика, и о праве лица знать свои права, а именно, о соответствии части первой статьи 4, части третьей статьи 6, статьи 22 и статьи 50 статье 90 Конституции.

6. Статус и место прокуратуры в государственной конституционной системе надлежит определять в соответствии с

принципом разделения государственной власти. Не представляется возможным подвергнуть анализу порядок осуществления государственной власти, статус или компетенцию какой-либо институции государственной власти, обходя вопрос о разделении властей. Реализация принципа разделения власти является центральным проблемным пунктом современного права по организации государственной власти.

6.1. Статья 1 Конституции определяет: „Латвия является независимой демократической республикой.” Из данной статьи вытекает ряд принципов правового государства, в том числе и принцип разделения государственной власти. Цель разделения власти состоит в сохранении гарантий свободы личности, чтобы не допустить замены модели демократического правового государства на авторитарный режим или единовластие одной личности. В связи с этим сущностью принципа разделения власти является политическое влияние на разделение государства и общественной жизни и обеспечение умеренных методов осуществления власти. Данный принцип выражается в разделении власти на законодательную, исполнительную и судебную власти, которую реализуют независимые и автономные институции. Это гарантирует равновесие и взаимный контроль между ними и способствует умеренности власти *[см. пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 1 октября 1999 года по делу № 03-05(99)]*.

6.2. Разделение компетенций государственных институций при реализации трех ветвей власти, что образует систему “сдержек и противовесов” принципа разделения власти, взывается к жизни в нормах институциональной части Конституции.

Такое разделение функций по реализации власти нисколько не означает, что государству надлежит создавать только три конституционные институции, чтобы каждая из них полностью осуществляла бы функции одной из трех ветвей власти. Чтобы разделение

властей достигло своей цели, отдельные властные функции следует передавать разным конституционным институциям (см. пункт 10.3. части выводов решения Конституционного суда от 16 октября 2006 года по делу № 2006-05-01).

Компетенция Латвийского государства в Конституции распределена между конституционными институциями государственной власти – совокупностью граждан Латвии, Сазымом, Президентом государства, Кабинетом министров, судами, Конституционным судом и Государственным контролем. Это исчерпывающее распределение. В связи с этим не найдется такой государственной компетенции, которая не предоставлена какой-либо конституционной институции государственной власти, в свою очередь, совокупность всех компетенций конституционных институций государственной власти образует общую компетенцию государства [см.: *Levits E. Valsts un valsts pārvaldes juridiskā struktūra // Jaunā pārvalde, 2002, Nr.1(31)*].

7. Конституционные основы судебной власти регулирует глава 6 Конституции, а конкретизирует закон „О судебной власти” (см. пункт 5 части выводов решения Конституционного суда от 17 января 2005 года по делу № 2004-10-01).

При обсуждении проекта Конституции референт комиссии по разработке Конституции Янис Пургалс подчеркнул: „Единственной основой для безопасности нашего государства является такое устройство, когда высшая государственная власть правильно разграничена, правильно разделена” (стенограмма 5 заседания IV сессии Конституционного собрания Латвии от 28 сентября 1921 года). Одной из важнейших предпосылок разделения властей является институциональное и функциональное отграничение судебной власти от законодательной и исполнительной властей. Как это сформулировал Я. Пургалс, „суды как

защитники права в государстве должны быть независимы” (стенограмма 1 заседания IV сессии Конституционного собрания от 20 сентября 1921 года). Выступая в дебатах на Конституционном собрании, он подчеркнул, что „суд является таким аппаратом, с помощью которого мы поддерживаем в состоянии готовности свое правовое устройство” (стенограмма 20 заседания IV сессии Конституционного собрания от 9 ноября 1921 года). Можно сделать вывод, что Конституционное собрание в понятие „судебная” включало не только судебные учреждения, но и такие институции, которые обеспечивают осуществление судебно–разрешительных функций, а именно, относящихся к суду учреждений.

8. Статья 86 Конституции определяет: „Отправлять правосудие могут только те органы, которым такое право предоставлено законом, и только в порядке, предусмотренном законом. Военные суды действуют на основании отдельного закона.” В первом предложении данной статьи содержатся полномочия законодателя по принятию законов, которые предоставили бы конкретным государственным институциям судебно–разрешительные функции, а также по принятию процессуальных законов, которые установили бы порядок судопроизводства.

9. Статья 82 Конституции с изменениями от 16 октября 1998 года была изложена в новой редакции: „Правосудие в Латвии отправляют районные (городские) суды, окружные суды и Верховный суд, а в случае войны или чрезвычайного положения – также военные суды.”

9.1. *Prima facie* могло бы показаться, что согласно данным изменениям законодатель дал полную дефиницию институций государственной власти, имеющих право отправлять правосудие. Грамматическая формулировка нормы как бы указывает, что законодатель запрещает реализовать полномочия по статье 86 Конституции обычным законодательным путем и соответствующий

вопрос полностью урегулирован в статье 82 Конституции. Такой вывод означал бы, что те институты, которые не упомянуты в статье 82 Конституции, не могут осуществлять судебно–разрешительные функции и что законодатель круг таких институций может расширить единственно с помощью изменений в статье 82 Конституции. Тем не менее, метод грамматического толкования является только первым из методов толкования, и неправильно руководствоваться единственно словесным смыслом правовой нормы (см. пункт 6 постановления Конституционного суда от 22 апреля 2005 года об окончании судопроизводства по делу № 2004-25-03). Поэтому необходимо выяснить содержание статьи 82 Конституции, используя и другие методы толкования.

9.2. В статье 82 Конституции не содержится ни исчерпывающего перечня институций, отправляющих правосудие, ни также институций, относящихся к судебной власти.

Во-первых, статья 85 Конституции определяет, что в Латвии существует Конституционный суд. Оценивая предоставленную Конституционному суду по статье 85 Конституции компетенцию рассматривать дела о соответствии законов Конституции, а также другие дела, отнесенные законом к ее компетенции, приходим к выводу, что Конституционный суд отправляет правосудие. Конституционный суд, основываясь на правовых нормах, разрешает специфические споры о соответствии правовых норм вышестоящим по юридической силе нормам в процессе, в котором участвуют по крайней мере два участника процесса с противоположными интересами.

Во-вторых, часть вторая статьи 68 Конституции предусматривает, что Латвия с целью укрепления демократии может делегировать часть компетенции государственных институций международным институциям.

Например, при присоединении к Европейскому Союзу Латвия делегировала судебные–разрешительные функции Суду Европейского Сообщества и Суду Первой инстанции. Право этих судов на отправление правосудия *expressis verbis* также не предусмотрено статьей 82 Конституции.

В связи с этим можно сделать вывод, что в статье 82 Конституции не определены полностью „органы, которым законом предоставлено право отправлять правосудие” (статья 86 Конституции). Дополнительное регулирование данные вопросы получили и в статьях 68 и 85 Конституции.

9.3. Нормы главы 6 Конституции тесно связаны с первым предложением статьи 92 Конституции, предусматривающей право лица обращаться в справедливый суд.

Понятие „справедливый суд”, упомянутое в статье 92 Конституции, содержит два аспекта, а именно, „справедливый суд” в качестве независимой институции судебной власти, рассматривающей дело, и „справедливый суд” в качестве надлежащего, соответствующего правовому государству процесса, в котором дело рассматривается. В первом аспекте данное понятие толкуется в увязке с главой 6 Конституции, во втором – в увязке с принципом правового государства, вытекающим из статьи 1 Конституции (*см. пункт 2 части выводов решения Конституционного суда от 5 марта 2002 года по делу № 2001-10-01*).

Первое предложение статьи 92 Конституции не требует, чтобы лицо для защиты своих ущемленных прав и законных интересов обращалось только в упомянутые в статье 82 Конституции институции судебной власти. На основании практики Европейского Суда по правам человека в связи со статьей 13 Европейской конвенции О правах человека

и защите основных свобод можно сделать вывод, что эффективное обеспечение виндикационного иска не зависит единственно от возможности на обращение в суд, но и от всего надзорного механизма в целом и его работы (см. пункт 10 части выводов решения Конституционного суда от 6 декабря 2004 года по делу № 2004-14-01). Не все институции, относящиеся к судебной власти, отправляют правосудие. К тому же отправление правосудия, как на это многократно указывал Конституционный суд, не является единственным эффективным средством правовой защиты. Лицо свои ущемленные права и законные интересы может эффективно защищать не только в таких учреждениях, которые отправляют правосудие (см. пункт 18 решения Конституционного суда от 11 октября 2004 года по делу № 2004-06-01).

Таким образом, институции, в которые лицо может обращаться для защиты своих ущемленных прав и законных интересов, могут быть определены не только в основном законе государства – Конституции, но и в других законах.

10. В каждом государстве у прокуратуры могут быть отдельные полномочия и статус. Можно согласиться с мнением Саэйма, что принадлежность прокуратуры к конкретной ветви власти является вопросом целесообразности и традиций.

Так, например, в Эстонии и Польше прокуратура институционально является составной частью исполнительной власти. В других местах, например, во Франции, глава 8 конституции „Судебная власть” предусматривает независимый Верховный совет магистрата, который состоит из двух палат – палаты судей и прокуроров. В разделе 1 главы 5 конституции Греции „Судебная власть” предусмотрен порядок надзора и назначения судей и прокуроров. На принадлежность прокуратуры к судебной ветви власти в Италии однозначно указывает

включение регулирования статуса прокуроров в разделе конституции „Ветвь судебной власти”. В разделе конституции Финляндии „Судебное администрирование” содержится правомочие законодателя устанавливать детальное правовое регулирование в отношении прокуроров в законах. И в конституциях России и других государств прокуратура включена в разделы о судебной власти.

В каждом государстве прокуратура образуется на основании определенных, закрепленных в конституции или специальном законе основных принципов. Такие основные принципы законодатель обычно выбирает, учитывая особенности государственного институционального устройства, исторического развития, необходимость устранять или предотвращать какие-то особые проблемы образования государства, а также планируя улучшение государственного институционального устройства. В Латвии прокуратура, как указано в статье 1 закона О прокуратуре, является институцией судебной власти.

В основе выбора оптимальной модели и статуса прокуратуры лежат соответствующие традиции государства и правовой системы. Изменение такой модели является вопросом правовой политики, который в демократическом правовом государстве подлежит разрешению законодательным путем.

11. Принятая Комитетом Министров Европейского Совета 6 октября 2000 года рекомендация Rec(2000)19 „Роль государственной прокуратуры в уголовно-правовой системе” [*Recommendation Rec(2000)19 The Role of Public Prosecution in the Criminal Justice System*] допускает возможность образования государствами как подчиненной правительству, так и независимой от правительства прокуратуры. Связанные с прокуратурой институциональные вопросы Европейский Совет оставляет

в ведении государства. Пункт 14 данных рекомендаций определяет, что в тех государствах, в которых прокуратура является независимой от правительства, должны приниматься эффективные меры, направленные на гарантирование того, чтобы независимость государственной прокуратуры и ее степень были установлены законом. В свою очередь, в пункте 13 выдвигается целый ряд требований по обеспечению независимости прокуратуры в тех случаях, когда прокуратура подчиняется правительству.

Таким образом, государство самостоятельно может определять место прокуратуры в системе государственных институций, обеспечивая прокуратуре необходимый статус для выполнения ее функций.

12. Разработка и принятие закона О прокуратуре в Саэме в начале девяностых годов было тесно связано с дальнейшей реформой судебной власти – восстановлением традиционного судебного устройства Латвии, которое началось с принятием в 1992 году закона „О судебной власти”.

12.1. Прокуратура в классическом понимании образована во Франции. Другие государства понемногу переняли этот институт от Франции, также и на территории Латвии, проводя в 1889 году судебную реформу в Балтийских губерниях. Первоначально прокуратура рассматривалась как административная инстиутция – она выполняла функции исполнительной власти. С начала XX века прокуратура как в правовой науке, так и в нормативных правовых актах все определеннее признается институцией судебной власти. В межвоенный период наблюдалась тенденция по обеспечению независимости прокуратуры от исполнительной власти и закреплению ее места в системе институций судебной власти, приближая по возможности статус прокуроров к статусу

судей (см.: *Apsītis H. Par prokuratūras stāvokli // Jurists, 1930, Nr.5; Vikmanis K. Tiesnešu biedrība par prokuratūras neatkarību // Jurists, 1933, Nr.3; Linde A. Prokuroru neatceļamība // Jurists, 1933, Nr.6*). В правовой науке того времени высказывалось мнение, что прокуроры при исполнении своих служебных обязанностей в рамках своей компетенции являются блюстителями закона, защитниками интересов общества. Прокуратуре надлежит быть не институцией исполнительной власти, а скорее частью судебной власти (*Organ der Rechtspflege*), зависящей только от закона, внутреннего убеждения должностных лиц прокуратуры и общественного мнения [см.: *Лазаренко А. О независимости прокуратуры // Законъ и судъ, 1934, № 3(43), с. 1473 – 1478*].

Уже пункт 8 Временного уложения от 6 декабря 1918 года о судах и судопроизводстве Латвии определял, что при Сенате состоит обер-прокурор с товарищами, при палатах и окружных судах – прокурор с товарищами. Прокуроров того времени, также как и судей, назначало Правительство из выдвинутых Министерством юстиции кандидатов, а утверждал Народный совет.

В соответствии со статьей 179 закона О судебном устройстве от 1924 года „общий надзор за всеми судебными учреждениями и должностными лицами судебного ведомства в государстве вменяется министру юстиции как генеральному прокурору”. В то же самое время Закон об устройстве Министерства юстиции (18 июня 1930 года) не упоминает прокуратуру и не включает ее в структуру министерства. И позднее – в 1936 году правила об устройстве и задачах прокуратуры были собраны в законах об устройстве судов (см.: *Tiesu iekārta. Rīga: Kodifikācijas nodaļa, 1936, 5. lpp.*).

12.2. Судебная власть не была однозначно ограничена только судебными-разрешительными функциями, к ней относились и „другие функции, которые по существу являются ближе к судебной власти [...]

чем к власти административной” (примечания проф. Я.Вебера к законопроекту „Закон Латвийской Республики „О судебной власти”” // материалы дела, стр. 171). Обсуждение закона О прокуратуре на заседании Саэйма от 7 октября 1993 года однозначно свидетельствует о ясной цели Саэйма восстановить прокуратуру в соответствии с ее доокупационным статусом и принципами деятельности (стенограмма заседания 5 Саэйма Латвийской Республики от 7 октября 1993 года). Аналогичное понимание отразилось в законе „О судебной власти”, а также во внесенном в Саэйм в настоящий момент законопроекте О судебном устройстве.

У прокуратуры как институции судебной власти имеется двоякий характер. С одной стороны, она является единой, централизованной трехступенчатой системой учреждений, которой руководит генеральный прокурор, а, с другой стороны, – функции прокуратуры самостоятельно и единолично отправляют должностные лица прокуратуры, т.е. прокуроры.

Принцип субординации, который ясно присутствует в системе учреждений прокуратуры и внешне, в смысле построения приближает ее к системе учреждений исполнительной власти, ничуть не означает, что прокурор вышестоящего уровня или старше по должности может вмешиваться в работу прокурора нижестоящего уровня или младшего по должности, давая ему обязательные (руководящие) указания по разрешению дела. Прокурор в своей деятельности является независимым, неприкосновенным и политически нейтральным – он также как судья подчинен единственно закону и праву, но это, разумеется, не исключает права других лиц обжаловать действия прокурора в порядке, установленном законом.

12.3. Сайэма в ответном письме указывает, что под термином „институция судебной власти” следует понимать „такие учреждения и должностных лиц, деятельность которых тесно связана с судебной

деятельностью, а также институции, выполнение функций которых могло бы быть затруднено, если их отнесли бы к ветви общей исполнительной власти и в организационном смысле подчинили бы институциям правительства” (см. материалы дела, стр. 19). Независимость прокуратуры и ее принадлежность к судебной власти является гарантией защиты прав и свобод человека от возможного произвола исполнительной власти.

Сайма, принимая решение о статусе прокуратуры, основывается на исторической преемственности и соображениях целесообразности.

13. Задачи и отношения прокуратуры с другими ветвями власти регулируются многими нормативными актами. При оценке статуса прокуратуры закон О прокуратуре следует рассматривать в общей связи со статьей 106.¹ „О судебной власти”, которая точно определяет место прокурора в судебной иерархии, предусматривая, что прокуроры являются должностными лицами, принадлежащими к судебной системе, которые участвуют при рассмотрении дел в суде и выполняют другие обязанности в соответствии с законом. 29 января 1997 года Сайэма при внесении изменений в закон „О судебной власти” и дополнении его данной нормой еще раз подтвердил и правовыми актами закрепил принадлежность прокуратуры к судебной власти. Было бы нелогично такое решение, что прокуроры считались бы должностными лицами, принадлежащими к судебной системе, а учреждение, в котором они работают, – учреждением государственного управления.

14. Как в заявлении, так и в ответном письме Сайэма указано, что прокуроры в отдельных сферах публичного права осуществляют специфические функции исполнительной власти, а не судебной власти.

Однако нельзя согласиться с мнением заявителя о том, что такого рода интерпретация, согласно которой прокуратура не является учреждением государственного управления, вступала бы в противоречие с Конституцией.

Принцип разделения властей означает, что государственная власть функционально разделена на законодательство, управление государством и судопроизводство. Законодательная функция это принятие нормативных актов с определением действий индивида в соответствии с целями общества. Управленческая функция это реализация решений законодателя, а именно, принятых им нормативных актов. Функция судопроизводства это разрешение споров в соответствии с принятыми законодателем нормативными актами.

Следует помнить, что государственная власть разделяется не только функционально. Власть, которая претворяется при посредничестве государственных учреждений, разделяется в зависимости от компетенции каждой институции – это есть институциональное разделение государственной власти. При этом функциональное и институциональное разделение государственной власти не является идентичным. Не всегда компетенция учреждений полностью относится только к одной из трех ветвей государственной власти. Для обеспечения эффективного функционирования государства, а также для образования системы „сдержек и противовесов” трех ветвей государственной власти допускаются отступления – параллельно реализации функций одной ветви власти для институции можно предусмотреть компетенцию (задачи) по участию в реализации функций другой ветви власти. Разделение государственной власти на институциональном уровне не исключает передачу функций одной ветви власти институциям, которые относятся к другой ветви государственной власти.

Профессор Карлис Дишлерс в целом согласен с классическим мнением, что рациональной была бы такая схема, при которой функции каждой ветви государственной власти были бы доверены отдельным органам государственной власти и таким образом каждый исполнял бы свои функции в полном объеме и не принимал бы позитивное участие в реализации функций, доверенных другим органам. Однако в то же самое время он указывает, что „в жизни мы нигде такую, образованную по какому-то рациональному рецепту систему государственных органов не находим, потому-что государственные органы возникали и образовывались постепенно, в ходе исторического развития, вместе с возникновением и формированием государственных задач и функций” (*Dišlers K. Latvijas valsts varas orgāni un viņu funkcijas // Rīga, Tieslietu Ministrijas Vēstneša izdevums, 1925, cмр. 19*).

И Департамент по административным делам Сената Верховного суда указал, что к относящейся или принадлежащей к судебной власти институции или должностному лицу законом могут быть предоставлены определенные функции государственного управления, при осуществлении которых такие институции или должностные лица рассматриваются учреждением в понимании части первой статьи 1 Административного процессуального закона [см.: *Об обжаловании постановления прокурора. Постановление Департамента по административным делам Сената Верховного суда от 9 марта 2004 года по делу № SKA-39 // Jurista Vārds, Nr. 17(322), от 11 мая 2004 года, стр. 23*]. К тому же прокуратура не является единственной институцией, которая выполняет отдельные функции исполнительной власти. Традиционно такого рода функции выполняют должностные лица и других институций, например, председатели судов. И Конституционный суд указал – в рамках административного процесса исполнительную власть следует понимать не в институциональном, а скорее в

функциональном смысле (см. пункт 10 части выводов решения Конституционного суда от 4 января 2005 года по делу № 2004-16-01).

Закон Об устройстве государственного управления определяет институциональную систему государственного управления, подчиненного Кабинету министров, и основные условия деятельности государственного управления. В соответствии с частью третьей статьи 3 упомянутого закона принципы государственного управления и другие правила данного закона распространяемы и на такие учреждения, которые не подчинены Кабинету министров, поскольку нормами специальных законов не установлено иное. Деятельность прокуратуры регламентирует закон О прокуратуре, закон Об уголовном процессе и другие нормативные акты. Нормы закона Об устройстве государственного управления и Административного процессуального закона деятельность прокуратуры и прокуроров регулируют в тех случаях, когда учреждение или должностное лицо прокуратуры – прокурор выполняет функции государственного управления, то есть действия, которые не перечислены в статье 2 закона О прокуратуре.

И хотя одно и то же учреждение может выполнять как функции судебной власти, так и функции государственного управления, должна быть четко разделена ответственность исполнительной и судебной властей за исполнение основных функций. За общественный порядок и безопасность в государстве обычно ответственность несет исполнительная власть. Именно поэтому учреждения государственного управления ответственны за то, чтобы преступные деяния были бы раскрыты. Однако для того, чтобы в данной сфере, существенно затрагивающей права человека, не нарушался бы допустимый минимум, надзор за данной процедурой осуществляет судебная власть – прокуратура и суд.

Прокуратура в качестве „первого эшелона” судебной власти или как естественный фильтр при констатации нарушения закона в рамках своей компетенции стремится восстановить законность. Более того, в уголовном процессе уже с рекомендаций Комитета Министров Европейского Совета 1987 об упрощении уголовной юстиции международно признано, что для разрешения менее сложных дел судьи не привлекаются, а относящееся к судебной власти учреждение реализует упрощенный, письменный процесс, который завершается равнозначным осуждению решением. Только важно, чтобы постановление должностного лица данного учреждения акцептовал осужденный (также и в форме необжалования). При этом прокурор надзирает за законностью не только в уголовно-правовых отношениях, но и в других сферах [см. рекомендации № R(87)18 Комитета Министров Европейского Совета об упрощении уголовной юстиции от 17 сентября 1987 года/[http:// www.coecidriga.lv/tulkojumi/MKRek/R\(87\)18.htm](http://www.coecidriga.lv/tulkojumi/MKRek/R(87)18.htm)]. Если компетенции прокурора недостаточно (например, из-за характеристики личности и тяжести нарушения соответствующее лицо следует изолировать от общества) или также в результате проведенной прокурором деятельности восстановить законность не удалось, прокурор передает конкретный вопрос для разрешения в суде.

Институция исполнительной власти при реализации контроля в рамках своей компетенции и констатации нарушения может применить штраф. В отличие от действий и решений должностных лиц судебной власти, действия и решения должностных лиц исполнительной власти можно обжаловать в административном суде.

Именно нынешний статус прокуратуры – институция судебной власти – лучше всего обеспечивает как эффективное исполнение функций прокуратуры, так и независимость судебной власти в целом и полностью соответствует принципу разделения властей. В связи с этим можно

согласиться с мнением, что „прокуратура является неотъемлемой институцией судебной власти. Проводимый исполнительной властью контроль и влияние на деятельность прокуратуры недопустимы, потому что такие действия не соответствовали бы понятию демократии, содержащемуся в статье 1 Конституции Латвийской Республики. В демократическом государстве прокурор при реализации своих полномочий выступает как независимое, неприкосновенное и политически нейтральное, относящееся к судебной власти должностное лицо, которое подчинено единственно закону и праву” (*Muciņš L. Demokrātija un prokuratūra // Diena, 11 июля 1998 года*).

Таким образом, прокуратура является институцией судебной власти и регулирующие статус прокуратуры нормы закона О прокуратуре соответствуют статьям 1 и 86 Конституции.

15. Статья 58 Конституции определяет: „Кабинету министров подчиняются учреждения государственного управления.”

Это одна из норм, которая обеспечивает реализацию принципа разделения властей. По данной статье Конституции функции исполнительной власти отнесены к компетенции Кабинета министров. В демократическом правовом государстве власть разделяется таким образом, чтобы были достигнуты цели разделения властей, что в свою очередь допускает отступления от формального осуществления принципа разделения властей (*см. пункт 10 части выводов решения Конституционного суда от 16 октября 2006 года по делу № 2006-05-01*). В связи с этим, отдельные функции государственного управления могут выполнять институции, принадлежащие к другим ветвям власти. То обстоятельство, что закон О прокуратуре или другие законы предоставляют прокуратуре полномочия в сфере государственного

управления, не означает, что по данной причине прокуратура становится учреждением государственного управления, относящимся к исполнительной власти .

При оценке институционального статуса существенным является волеизъявление законодателя, выразившееся при принятии Конституции, закона „О судебной власти” и закона О прокуратуре.

Так как прокуратура является институцией судебной власти, нет необходимости в оценке соответствия ее статуса статье 58 Конституции.

16. Статья 90 Конституции определяет одно из основных прав человека: „Каждый имеет право знать свои права.”

Данная конституционная норма вводит каталог основных прав, содержащихся в Конституции, и указывает на значение, которое придает законодатель закреплению в Конституции данных основных прав. Только лицо, знающее свои права, в состоянии эффективно реализовать и – в случае необоснованного ущемления – защищать их в справедливом суде. В связи с этим Конституция предусматривает субъективное публичное право лица быть информированным об этих правах и заодно об обязанностях.

Обязанностью государства является не только принимать нормативные акты, регулирующие поведение лица в самых разнообразных правовых отношениях, но и создавать механизм, который обеспечивает информированность лица об изменениях и о содержании правового регулирования. Это также предусматривает право лица, вступая в публичные правовые отношения с институциями

государственной власти, быть информированным о своих правах в конкретных отношениях.

Право лица знать свои права определяет и рамки деятельности законодателя. Законы и другие нормативные акты должны быть публично доступными, достаточно ясными и понятными. Лицо также имеет право наводить справки о практике применения нормативных актов, а именно, в демократическом правовом государстве судебная преюдиция должна быть свободно доступна любому интересующемуся.

Заявитель указал, что в законе О прокуратуре не предусмотрен порядок обжалования (оспаривания) увольнения прокурора и таким образом нарушено право, установленное статьей 90 Конституции. При этом нормы, регулирующие статус прокуратуры, в силу их неясности и непредсказуемости, не позволяют констатировать ответчика по делу и порядок возмещения возможного материального ущерба.

17. В то время, когда была сформулирована статья 6 закона О прокуратуре, в силу не вступили ни Административный процессуальный закон, и ни Уголовный процессуальный закон. Однако содержание первого предложения нормы свидетельствует о том, что законодатель не указал только и единственно на конкретные процессуальные законы, бывшие в силе на момент принятия нормы.

Таким образом в случаях, когда закон О прокуратуре не предусматривает особого порядка обжалования, жалоба на действия прокурора подлежит внесению в порядке, предусмотренном процессуальными законами.

18. Второе предложение части третьей статьи 6 закона О прокуратуре предусматривает особый порядок обжалования по вопросам,

относящихся только к компетенции прокурора. Конституционный суд согласен с указанным Саэймом, что упомянутое предложение применимо единственно в том случае, если другие законы, например, Уголовный процессуальный закон или Административный процессуальный закон не предусматривают иного порядка.

Вопрос об увольнении прокурора с должности не считается таким, на который распространяется второе предложение части третьей статьи 6 закона О прокуратуре, а именно по вопросу, который только в компетенции прокуратуры, если это не связано с реализацией функций прокуратуры.

Решение Генерального прокурора в соответствии с частью третьей статьи 6 закона О прокуратуре является окончательным в случаях, когда это распространяется на вопросы, находящиеся только в компетенции прокуратуры. И хотя право генерального прокурора на увольнение прокурора определено в законе О прокуратуре, в данном случае не идет речь о „только компетенции прокуратуры” в понимании части третьей статьи 6 закона О прокуратуре. Также, например, применение дисциплинарного наказания является правом генерального прокурора, определенного законом О прокуратуре, однако часть седьмая статьи 45 закона О прокуратуре предусматривает, что примененное к лицу дисциплинарное наказание можно обжаловать в суде.

Конституционный суд согласен с выводами в ответе прокуратуры, что обжалование и отмена приказа генерального прокурора об увольнении прокурора с должности не связано с частью третьей статьи 6 закона О прокуратуре.

Таким образом, к приказу генерального прокурора об увольнении прокурора с должности не применимы второе и третье предложение части третьей статьи 6 закона О прокуратуре.

19. Саэйма указывает: „[...] не имеется никаких сомнений, что дела об освобождении и увольнении прокуроров с должности, а также о примененных в отношении прокуроров дисциплинарных наказаниях рассматриваются в порядке, установленном Административным процессуальным законом, если такое решение соответствует признакам части третьей статьи 1 Административного процессуального закона.”

Согласно своей основной задаче Конституционный суд не принимает решение о том, каким образом подлежат правильной интерпретации или применению правовые нормы в каждом конкретном случае. Конституционный суд указывал, что как заявителю, Административному окружному суду, так и любому другому судье административного суда, для достижения справедливого и целесообразного результата, на основании части второй статьи 102 Административного процессуального закона предоставлено право определять применимую административно-процессуальную правовую норму. Применение соответствующей Конституции правовой нормы содержит в себе отыскание правильной правовой нормы и ее надлежащую интерпретацию, оценку интертемпоральной и иерархической применимости, использование соответствующей преюдиции, а также перспективное формирование права (см. пункт 17 части выводов решения Конституционного суда по делу от 4 января 2005 года по делу № 2004-16-01).

Часть третья статьи 1 Административного процессуального закона определяет:

„Административный акт это внешний правовой акт, которое учреждение издает в сфере публичного права в отношении индивидуально-определенного лица или лиц, устанавливая, изменяя,

констатируя или прекращая конкретные правовые отношения или констатируя фактическую ситуацию. Административный акт это также решение об установлении, изменении, прекращении правового статуса должностного лица или лица, состоящего в особом подчинении учреждению, и дисциплинарном наказании данных лиц, а также другое решение, если они существенно ограничивают права человека должностного лица или лица, состоящего в особом подчинении учреждению. Должностным лицом в понимании настоящей части не является работник учреждения, с которым в соответствии с нормативными актами устанавливаются трудовые правоотношения. Административным актом не является:

1) решение учреждения или другого рода деятельность в сфере частного права;

2) внутреннее решение учреждения, которое затрагивает непосредственно само учреждение, подчиненное учреждение или лиц, состоящих в особом подчинении;

3) промежуточное решение (в том числе процессуальное решение) в рамках административного процесса, за исключением случая, когда оно само по себе затрагивает существенные права или законные интересы лица или существенно затрудняет их реализацию;

4) политическое решение Саэйма, Президента государства, Кабинета министров или думы (совета) самоуправления (политическое сообщение, декларация, обращение и сообщение о выборах должностных лиц и т.д.);

5) уголовно-процессуальное постановление и постановление суда."

Таким образом обжалованное решение является административным актом.

В законе О прокуратуре не приведен порядок обжалования приказа генерального прокурора об увольнении прокурора с должности, за

исключением случаев, когда увольнение с должности является дисциплинарным наказанием. Сазайма отмечает, что в нормативных актах указание на то, что конкретное решение подлежит обжалованию в порядке, предусмотренном Административным процессуальным законом, включено в целях ясности. Порядок, в котором обжалуется решение об увольнении прокурора с должности, предусматривает другой нормативный акт, а именно, Административный процессуальный закон. Отсутствие нормы в законе О прокуратуре не мешает применению правовой нормы, содержащейся в другом нормативном акте.

Выше в решении констатировано, что прокуратура, будучи институцией судебной власти, осуществляет деятельность и в сфере исполнительной власти. Судебный контроль над законностью изданного учреждением административного акта или соображениями целесообразности в рамках свободы действий происходит с учетом выводов Департамента по административным делам Сената Верховного суда, что сфера государственного управления в понимании Административного процесса охватывает не только те учреждения, непосредственные обязанности которых содержат функции исполнительной власти. Упомянутое в статье 2 Административного процессуального закона термин „исполнительная власть” понимается функционально, а не институционально. „Решения и фактические действия институций и должностных лиц судебной власти, связанные с несением функций государственного управления, также не изъяты из-под судебного контроля” [*Об обжаловании решения прокурора. Решение Департамента по административным делам Сената Верховного суда от 9 марта 2004 года по делу № SKA-39 // Jurista Vārds, Nr. 17(322), 11 мая 2004 года, стр. 23*].

Таким образом, приказ генерального прокурора об увольнении прокурора с должности подлежит обжалованию в административно-процессуальном порядке.

20. Заявитель, со ссылкой на второе предложение статьи 22 закона О прокуратуре, которая признает права юридического лица за всеми учреждениями прокуратуры, не смог конкретизировать, является ли ответчиком по делу „Прокуратура (или Генеральная прокуратура) в качестве юридического лица публичного права, или Латвийская Республика в качестве юридического лица публичного права”.

Сазйма указывает, что на соответствующем этапе истории „целью законодателя, с соблюдением записанного в законе, было предоставить соответствующей институции право заключать правовые сделки для обеспечения деятельности учреждения и открывать отдельный счет в банке”. В ответном письме внимание привлечено к тому, что второе предложение статьи 22 закона О прокуратуре, которая предусматривает права юридического лица для учреждений прокуратуры, не подлежит интерпретации таким образом, что прокуратуре предоставляется статус юридического лица публичного права. Приведенная норма задумывалась для регулирования частно-правовых отношений, подлежит толкованию в контексте реформы государственного управления и подлежит рассмотрению в связи с основными принципами закона Об устройстве государственного управления. Сазйма подчеркивает, что в соответствии с нынешним правовым регулированием, существующим в рамках Европейского континентального права правосознанием и учением о государственном строительстве прокуратура не нуждается в статусе юридического лица, чтобы иметь возможность регулировать частно-правовые отношения.

21. Установление статуса юридического лица в законе О прокуратуре связано со взглядами, доминирующими во время разработки и принятия закона, что государственные органы и учреждения являются юридическими лицами. Поэтому и в конце девяностых годов иногда в делах о причиненном частному лицу ущербе ответчиком считалось соответствующее учреждение, а не государство в качестве юридического лица. В то время многие учреждения пытались рассматривать в качестве юридических лиц (см.: *Lēbers D. A., Višers I. Ministru kabinetu. Rīga, 1998, 102. lpp.*). Например, норма закона „О Службе государственных доходов”, предусматривающая, что Служба государственных доходов и ее территориальные учреждения имеют статус юридического лица, была изменена только на основании закона от 16 июня 2005 года. Из аннотации к законопроекту „Об изменениях в законе „О Службе государственных доходов”” видно, что одной из целей изменений, внесенных в нормативный акт, было согласовать термины, использованные в законах „О Службе государственных доходов” и Об устройстве государственного управления.

С 1 января 2003 года в силу вступил закон Об устройстве государственного управления, определивший основные принципы государственного устройства. В соответствии с данным законом юридическим лицом является само государство – Латвийская Республика, которая рассматривается первоначальным юридическим лицом публичного права.

У институции, считающейся юридическим лицом публичного права, имеется собственное имущество, свой бюджет, отделенный от государственного основного бюджета, такая институция финансируется главным образом из собственных доходов, такая институция профессионально, территориально или экономически направлена на

потребителя. Конституционный суд согласен с указанным Саэймом, что задачи и функции прокуратуры несовместимы полностью с тем представлением, при котором прокуратура считалась бы юридическим лицом публичного права. В собственности прокуратуры не имеется собственного имущества. У прокуратуры не имеется бюджета, выделенного из государственного, и финансирование прокуратуры не образуется из собственных доходов. Прокуратура всегда действует от имени государства и не является институцией, направленной на потребителя.

Недопустима такая ситуация, когда возмещение ущерба оплачивалось бы из тех средств государственного бюджета, которые предоставлены учреждению для обеспечения ее деятельности. Такой порядок существенно мешал бы деятельности конкретного государственного учреждения и ограничивал бы исполнение функций, предусмотренных нормативными актами. Абсурдной была бы такая ситуация, когда по причине возмещения необходимого ущерба государственное учреждение, реализующее важные государственные функции, обанкротилось бы. По обязательствам государственного учреждения отвечает Латвийская Республика, поскольку соответствующее учреждение действует от имени первоначального юридического лица публичного права, то есть государства.

В случае, когда в административно-процессуальном порядке обжалуется приказ генерального прокурора об увольнении с должности, ответчиком по делу является Латвийская Республика.

22. Юридическая идентичность учреждения определяется предоставленной ей компетенцией, а не статусом юридического лица. В таких случаях, когда прокуратура или должностное лицо прокуратуры осуществляет какие-либо обязанности в сфере государственного

управления, непосредственно не реализуя функции прокуратуры, перечисленные в статье 2 закона О прокуратуре, она становится субъектом административного права, которому предоставлены определенные государственные властные полномочия в сфере государственного управления. Учреждения прокуратуры в таких случаях являются учреждением в понимании статьи 1 Административного процессуального закона, которая привлекается со стороны ответчика. Прокуратура, будучи институцией судебной власти, осуществляет определенную деятельность в сфере государственного управления, и применительно к данной деятельности она признается государственным учреждением в понимании статьи 1 Административного процессуального закона.

Таким образом, со стороны ответчика привлекается то учреждение прокуратуры или должностное лицо, от которых заявитель требует действий, соответствующих их компетенции.

23. Для оценки соответствия оспариваемой нормы статье 90 Конституции, надлежит выяснить, является ли она достаточно понятной.

Европейский суд по правам человека уже многократно указывал, что законы и правовые нормы должны быть как надлежаще понятными, так и предсказуемыми, то есть сформулированы с достаточной точностью, чтобы индивид, в необходимом случае соответственно проконсультировавшись, мог бы строить свое поведение (*см., например: The Sunday Times v. The United Kingdom, judgment of 26 April 1979, Series A no. 30, p. 31, para 49; Kokkinakis v. Greece, judgment of 25 May 1993, Series A no. 260-A, p.19, para 40*).

При применении правовых норм необходимо выяснять ее истинный смысл. Метод грамматического толкования является только

первым из методов толкования, и неправильно руководствоваться единственно словесным смыслом правовой нормы. Если творец правовой нормы, выражая свое волеизъявление текстуально, сделал это неточно или изменилось и продвинулось в своем развитии правосознание, следует учитывать подлинное волеизъявление законодателя (см. пункт 6 постановления Конституционного суда от 22 апреля 2005 года о прекращении судопроизводства по делу № 2004-25-03).

Таким образом, оспариваемые нормы соответствуют статье 90 Конституции.

Постановляющая часть

На основании статей 30 – 32 закона О Конституционном суде, Конституционный суд

постановил:

Признать часть первую статьи 1, часть первую статьи 4, часть третью статьи 6, статьи 22 и 50 закона О прокуратуре соответствующими статьям 1, 58, 82, 86 и 90 Конституции Латвийской Республики.

Решение окончательное и не подлежит обжалованию.

Решение вступает в силу со дня его опубликования.

Председатель судебного заседания

А. Эндзиньш